

УДК 17 (091) (043.3)

Михаил Григорьевич Шатерник*канд. филос. наук, ст. науч. сотрудник Института философии
Национальной академии наук Беларуси***Mikhail Shatsernik***Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus***e-mail: 33mg@mail.ru****ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОРАЛЬНОГО ДИСКУРСА**

Определены онтологическая, гносеологическая, аксиологическая, праксеологическая характеристики морального дискурса. Для реализации поставленной цели используется этико-философский подход в исследовании, который позволяет прежде всего выявить философскую и этическую суть морального дискурса. В результате такого обоснования моральный дискурс характеризуется с точки зрения его влияния на бытие, знание, смысл, ценности и нормы, а также предстает как практика или вид человеческой деятельности.

Ключевые слова: моральный дискурс, онтологическая характеристика, гносеологическая характеристика, аксиологическая характеристика, праксеологическая характеристика.

Ethical and Philosophical Characteristics of Moral Discourse

The article defines ontological, epistemological, axiological, praxeological characteristics of moral discourse. To achieve this goal, an ethical and philosophical approach is used in the study, which allows, first of all, to reveal the philosophical and ethical essence of moral discourse. As a result of this justification, moral discourse is characterized in terms of its influence on being, knowledge and meaning, values and norms, and also appears as a practice or a type of human activity.

Key words: moral discourse, ontological characteristics, epistemological characteristics, axiological characteristics, praxeological characteristics.

Введение

Дискурсивный подход в социально-гуманитарном познании привнес идею того, что характер нравственных процессов в обществе определяется не просто комплексом моральных норм и ценностей, присущих каждой культуре, но и их воссозданием в дискурсивной коммуникации. Между тем до настоящего времени моральный дискурс не приобрел статуса самостоятельного предмета философского и этического исследования, которое могло бы пролить свет на его сущностные характеристики. В лингвистике, где дискурсивный подход получил наибольшее распространение, были квалифицированы различные типы дискурсов. При этом лингвистический подход концентрируется на языковых аспектах морального дискурса, не затрагивая его онтологических и гносеологических оснований, не показывая роли концепции морального дискурса в решении современных этических проблем.

Этико-философский подход к исследованию морального дискурса предполагает этическую интерпретацию знания, полученного посредством философского анализа

дискурса. Данный подход направлен на решение универсальных философских задач морального самопознания субъекта и его нравственного самоопределения как личности. Этической интерпретации подлежит философское знание об онтологических характеристиках дискурса в контексте его влияния на бытие человека и общества; роли дискурса в организации норм и принципов познавательной деятельности; трактовке морального дискурса как механизма формирования мировоззренческих ориентиров; понимании человека как ценностно ориентированного субъекта дискурса; рефлексии дискурсивных практик, определяющих процессы социокультурного развития. Этическая составляющая философского исследования предполагает работу в проблемном и категориальном поле этики, имманентную направленность и практическую полезность получаемого знания для реального функционирования морали, для поддержания самоценности личности и стабильности человеческих сообществ исходя из перспективы будущего.

Теоретико-методологическими основаниями этико-философского исследования морального дискурса являются идеи, восходящие к самой природе философского знания, которое выполняет мировоззренческую, методологическую и социально-критическую функции. К таким идеям относится также тезис о том, что философский подход подразумевает рассмотрение онтологических, гносеологических, аксиологических и праксеологических аспектов предмета исследования.

Базовые концепции, ставшие теоретико-методологическим основанием формирования этико-философской модели морального дискурса, разработаны Ю. Хабермасом, который рассматривал дискурс о морали как область ее формирования в зависимости от дискурсивных особенностей коммуникации; Э. Левинасом, который трактовал дискурс как изначальное этическое отношение к Другому, являющееся основой морального сознания; М. Фуко, понимавшего дискурс как конкретную историческую структуру, хронотоп которой определяет понятия, отношения, социальные факторы и в рамках которой формируется знание о предмете конкретного дискурса. Также М. Фуко наметил пути понимания техники заботы о себе как процесса формирования морального дискурса, в котором субъект и социальное бытие обретают моральные характеристики.

Этико-философские характеристики морального дискурса

Онтологическая характеристика.

В отличие от прежнего понимания языка как знаковой системы, являющейся инструментом постижения социального бытия, в современной философии язык понимается как метод его конструирования, а само бытие – как результат дискурсивных практик. Являясь продуктом дискурса, социальное бытие интерпретируется как обладающее ценностным смыслом, при этом такой смысл задает именно моральный дискурс.

Объективно существующее бытие становится значимым, т. е. обретает ценность, только в результате отношения со стороны человека, будучи пропущено через человеческое сознание со всеми его категориями и переживаниями, через практическую деятельность по освоению мира. В кон-

тексте морального дискурса в этом особом социальном бытии воспроизводятся характеристики, свойственные человеку. Бытие схватывается в контексте первичных ценностных озабоченностей человека: поиска цели жизни и ее смысла, моральных переживаний, стремления к правильному для себя образу жизни.

Смыслы феноменов социального бытия обусловлены характером дискурса, в котором они актуализированы. Например, по мысли М. Фуко, такой социальный феномен, как девиантность, возникает как результат не физических отклонений, а дискурсивных практик, функционирующих в культуре. В дискурсивной формации существует определенный режим интерпретации смысла понятия «девиантность», который задается доминирующим типом морального дискурса. Более того, в работе «История сексуальности» М. Фуко доказывает, что, казалось бы, такая чисто физиологическая характеристика, как сексуальность, также формируется в рамках дискурса. В моральном дискурсе формируются представления о добре и зле, порядочном и непотребном, возвышенном и вульгарном и т. п.

М. Фуко трактует дискурс как совокупность высказываний, фиксирующих исторически меняющиеся способы интерпретаций и производства знания [1]. В то же время моральный дискурс может быть понят как социальный механизм порождения высказываний о нормах и даже самих норм [2].

На уровне практической актуализации М. Фуко понимает дискурсы как матрицы практического мышления, или «технологии» [3, с. 99–100]. Можно говорить о технологиях вещей, знаковых систем, власти и «технологии себя», которые постоянно взаимодействуют. В этом контексте моральный дискурс может быть понят как «технология себя» (забота о себе) [4, с. 49], как интенция к построению собственной субъективности, которая является базовым элементом социального бытия. В результате идеи М. Фуко можно трактовать в том ключе, что дискурс – это технология, «позволяющая индивидам, самим или при помощи других людей, совершать определенное число операций на своих телах и душах, мыслях, поступках и способах существования, преобразуя себя ради достижения со-

стояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» [3, с. 100].

Моральный дискурс – суть, имманентная самой человеческой природе, техника производства социокультурных кодов, касающихся ценностей и норм поведения. В процессе оформления социального бытия образуются дискурсивные формации как совокупность однопорядковых дискурсов, основой общности которых является единая форма морально-ценностных предпосылок, обеспечивающих единство режима интерпретации. Как следствие, возникает определенный тип социального бытия, который фиксируется в культуре в качестве исторического этапа ее развития.

Посредством морального дискурса формируются моральные характеристики субъекта и вместе с ним морально-ценностная специфика среды его существования. В этом плане моральный дискурс обладает приоритетом по сравнению с другими видами дискурса, поскольку человеческое существование вне научного, политического или любого другого дискурса возможно. Однако исключение или выпадение человека из структур морального дискурса выбрасывает его за границы социума и культуры. Именно поэтому онтологическая характеристика, т. е. способность производить социальное бытие как обладающее ценностным смыслом, свойственна, в принципе, только моральному дискурсу. Все другие виды дискурса так или иначе отсылают к нему. Например, научный дискурс, предполагающий не только установку на поиск истины, но и определенные нормы поведения в научном сообществе, включает в себя этос ученого [5], т. е. моральный дискурс. Юридический дискурс оперирует представлениями, в основе которых лежат принципы справедливости, которые получают легитимацию в моральном дискурсе. Религиозный дискурс, обосновывая ценности и нормы поведения людей ссылками на догматический авторитет, в своей основе содержит моральный дискурс, который носит всепроницающий характер.

Характеристики бытия, определяющие его ценностный смысл, хорошо выявлены в концепции Э. Левинаса, согласно которой онтологическим основанием морального дискурса является метафизическое отношение Самотождественного и

Иного, которое «осуществляется изначально в виде речи, где Самотождественный, сконцентрированный в самости своего «я», неповторимого, автохтонного существа, – выходит за собственные пределы» [6, с. 78]. В этом высказывании Э. Левинас указывает на два основных элемента: пространство между Самотождественным и Иным, которое может пониматься как формальный аспект морального дискурса, и на речь как инструмент выхода «я» во внешнюю среду. Так моральный дискурс оказывается лежащим в основе человеческого бытия, ибо этическое отношение, реализуемое в дискурсе, определяет человеческое измерение этого бытия.

Отсюда следует, что моральный дискурс можно трактовать онтологически – как проявление бытия, которое характеризуется выходом за границы «я» и перенесением личностных параметров на Иное. Благодаря перспективе отношения с Иным становится возможным этическое переживание мира. В рамках этого отношения возникает моральное сознание. Как писал Э. Левинас, «прятие другого – это зарождение морального сознания» [6, с. 114]. Посредством такого отношения к миру в контексте трепетного отношения к Другому и осознания его в качестве нетождественного себе формируется стыд как способ измерять себя посредством бесконечности.

Далее в интересубъективном пространстве коммуникации те или иные моральные нормы утверждаются как истинные, следовательно, детерминирующие характер бытия в рамках этого пространства. Именно так понимал сущность морального дискурса Ю. Хабермас: как дискуссию, в результате которой достигается консенсус по признанию некоторой нормы, общезначимой для всех участников ситуации: «Моральные обоснования связаны с реальным проведением аргументированных дискуссий не по прагматическим соображениям, ради достижения равенства власти, а по внутренним причинам, для того чтобы создать возможность правильных моральных усмотрений» [7, с. 90]. Этическая легитимация норм, в результате которой образуется особое интересубъективное пространство, в котором нормы и ценности могут формировать совершенно уникальное социокультурное бытие, достигается посредством обсуждения и

аргументации в моральном дискурсе. Социальное бытие приобретает моральное измерение и определенную моральную форму благодаря признанию притязаний тех или иных моральных усмотрений на нормативную значимость. Таким образом, онтологическая характеристика морального дискурса заключается в том, что в нем устанавливаются человеческие взаимоотношения между субъектами, что является условием возникновения пространства осмысленности и социального бытия.

Гносеологическая характеристика.

Она определяется особым типом знания и смысла, который образуется в результате его функционирования, а также влиянием дискурса в целом на «сознание современного человека, его мышление, миропонимание и мироощущение, которые формируются в пространстве гетерогенных дискурсов» [8, с. 151]. В этом отношении дискурс может быть понят как «процесс и продукт когнитивной-коммуникативной деятельности человека, в ходе которой происходит речевая объективация результата освоения мира определенным типом сознания» [9, с. 27].

Любой дискурс определяет способ данности объекта в сознании, задает режим его интерпретаций. Дискурс «конструирует особый мир или его образ» [10, с. 525]. Моральный же дискурс обеспечивает формирование главной интерпретационной базы – морально-ценностной самоидентификации человека, который выступает конечным агентом и реципиентом познавательной активности. Моральный дискурс задает основания для образования знания человека о самом человеке, его представлений о собственном месте в иерархии бытия, о том, что и как следует делать, что такое хорошо, уместно, допустимо, о характере взаимоотношений людей. Он производит первичный и, соответственно, фундаментальный тип знания, который становится основой мировоззрения и целей жизнедеятельности вообще, что далее проявляется в постановке познавательных задач и ориентиров познавательной деятельности; задает главный критерий оценки – ценностную релевантность получаемого знания для самого человека.

По мысли Э. Левинаса, «дискурс обуславливает мышление... сущность дискурса – этика» [6, с. 219]. Тем самым подчеркивает-

ся, что моральный дискурс задает соответствующие характеристики познания. Поскольку дискурс есть «чистый “опыт”, повергающий в изумление» [6, с. 106], можно сказать, что итоговый познавательный эффект морального дискурса выражается в особом типе знания, чистота и первичность которого позволяют рассматривать его как предпосылку получения иных видов знания, которые производятся с учетом именно морально-ценностной перспективы. В результате образуется особый смысл мира, который имеет человеческое измерение.

Гносеологическая роль морального дискурса также заключается в познании морали и достижении взаимопонимания по нравственным вопросам. Спорные морально-нравственные ситуации могут возникать в результате структурно-содержательных особенностей того или иного дискурса, носителем которого является конкретный субъект. В результате имеет место множественность дискурсов, что является препятствием в достижении взаимопонимания. Однако, как показано в теории К.-О. Апеля, роль морального дискурса как раз и заключается в том, чтобы посредством апелляции к универсальным принципам организации дискурса, являющимся «априори обыденно-языкового взаимопонимания» [11, с. 291], прийти к общедоступным принципам морали, безусловно, содержащимся в «строе языка». Ведь, как правило, сложности во взаимном признании вызывают не базовые принципы морали, а ситуации, в которых нет очевидного решения и присутствует множество дополнительных факторов. Оказывается, что для каждого участника дискуссии приемлемо только решение, которое соответствует тому типу дискурса, в который погружен определенный участник. Именно поэтому эффективным приемом нахождения морального компромисса для всех участников дискуссии является анализ ценностных основ частной и общественной жизни и их дальнейшее логическое развитие до степени универсальных принципов, которые могут быть общепризнанными.

Использование морального дискурса позволяет носителям различных познавательных стратегий достигать взаимопонимания (или взаимоуважения) по вопросам нравственности, сосуществовать в человеческом сообществе. Именно поэтому, пола-

гал К.-О. Апель, «что и с трудом постигаемые сокровенные области различных культур или форм жизни благодаря углубленному знанию о различных структурах смогут взаимным образом интерпретироваться по крайней мере в смысле практического, например, этического и политического взаимопонимания» [11, с. 255]. В этом плане моральный дискурс может рассматриваться как канал взаимодействия, благодаря которому осуществляется сближение нравственных позиций и ценностных установок, что позволяет различным «формам жизни» приходить к взаимопониманию.

Ю. Хабермас также отмечал, что в моральном дискурсе образуется понимание некоторых моральных усмотрений как истинных, что приводит к формированию на их основе интересубъективного пространства. Участники дискурса посредством дискуссии приходят к моральным усмотрениям, которые могут быть познаны в качестве истинных.

Особый тип знания, образующийся в моральном дискурсе, — знание смысла (а главное — смысла жизни). Специфичность смыслообразования в моральном дискурсе может быть понята при сопоставлении его с техникой смыслообразования в тексте на нравственную тему. Текст руководствуется внутренними связями, в нем режим связывания знаков является ключевым параметром, определяющим конечный смысл. Дискурс же содержательно сопричастен самой жизни и возникающим в ней социальным ситуациям, что происходит посредством соотнесенности морального дискурса с деятельностью, коммуникацией и экзистенциальными переживаниями. При отсутствии такой сопричастности обезличенная логика текста может брать на себя функцию смыслообразования, однако моральный смысл при этом может и не возникнуть. Так, чтение нравоучительной литературы или учебников по этике может не оказывать ни малейшего нравственного эффекта, если читатель не способен погрузить содержание текста в контекст собственной жизни, не способен поставить себя в центр дискурса. Переживание содержания текста как своего дает импульс к возникновению его морального смысла.

Эта специфика морального дискурса по сравнению с моральным текстом рас-

крыта Ж. Делёзом в произведении «Логика смысла». В нем проводится анализ условий и механизмов смыслообразования, а также факторов, участвующих в этом процессе. В результате обнаруживается, что отличительная особенность морального дискурса заключается в том, что образование «смысла» соотнесено с «высказыванием желания и веры» [12, с. 24], с понятием «Бога, мира, с “я”» [12, с. 30]. В результате в зависимости от условий актуализации элементов высказывания могут формироваться различные смыслообразующие образования, а сам моральный дискурс понимается как режим интерпретации, при котором актуализируется ценностный уровень высказывания и смыслообразование проходит под существенным влиянием контекста моральных убеждений и ценностей, веры, желания... В моральном дискурсе смыслы в большей степени коррелируют с набором экзистенциальных ценностей и убеждений, которые переживаются непосредственно, происходят во многом из внеязыковой среды и формируются в процессе жизни. Так, пережитые страдания побуждают человека с сочувствием относиться к страдающим и др. Именно это обстоятельство подчеркивает экзистенциальную природу морального дискурса. Можно сказать, что в его структуре важная роль отведена экзистенциальным предпосылкам образования смысла, которые структурируют высказывания и создают контекст их моральной осмысленности.

При слабой вовлеченности или отсутствии моральных предпосылок смыслообразование становится в большей степени зависимым от логико-семантических характеристик пропозиции: преобладающими являются чисто текстовые характеристики высказываний. В итоге моральный дискурс уступает место чисто техническим процедурам смыслообразования, при которых ценностная составляющая становится малозначимой или вообще перестает быть актуальной. Так, например, в дискурсе немецкого национал-социализма, содержащем рассуждения о превосходстве немецкой расы в обоснование политики истребления народов, преобладала семантическая составляющая. Чисто технически из текста о превосходстве одной нации над другой следовало, что низшая нация должна пасть жертвой во имя развития высшей. возникнове-

ние такой логики в рамках морального дискурса было бы невозможно, ибо человек, живущий во взаимодействии с другими людьми, конкретно ощущает чужое страдание и боль, ценность жизни другого не является абстрактным понятием. Образование смысла в рамках морального дискурса предполагает соотношение переживаний другого с собственными переживаниями. В отличие от текста как технической взаимосвязи знаков, моральный дискурс посредством своей погруженности в экзистенцию напрямую соотносится с чувственностью.

По замечанию И. Т. Касавина, «сфера морального не есть продукт логического доказательства. Напротив, она обозначает себя через вовлеченность» [13, с. 295]. Чувства играют в этическом обосновании такую же роль, как эмпирические факты в научном обосновании. Из всех социально-политических оттенков смысла термина «дискурс» теоретически значимым представляется только тот, «который подразумевает живой социальный акт дискуссии, или коммуникации» [13, с. 295].

Таким образом, гносеологическая характеристика морального дискурса свидетельствует о том особом типе нравственного знания и типе смысла, который в нем образуется.

Аксиологическая характеристика.

Она связана с вопросом о генезисе ценностей, специфике их развития и взаимодействия в социальном бытии. В аксиологии существует множество подходов к пониманию природы ценностей, но универсальным является то, что ценность предстает как возможность практической реализации идеала (Истины, Добра, Красоты). В этом плане моральный дискурс является областью формирования идеалов, определения способов их достижения, непосредственной деятельностью по этому достижению. Аксиологическая характеристика морального дискурса проявляется в его сопричастности образованию ценностной перспективы, которая становится предпосылкой морального осмысления бытия.

Применение дискурсного подхода способствовало разрешению давней этической проблемы: существуют ли моральные ценности сами по себе как объективные идеальные сущности или они лишь результат наших оценок и предпочтений, а значит,

субъективны? В этом плане правила морального дискурса задают объективную структуру ценностных суждений и в то же время позволяют субъекту говорить о морали, выражая собственную моральную оценку. Характер морального дискурса задает тот контекст, в котором абстрактные понятия морального сознания, имеющие ценностный статус, обретают не только свое значение, но и конкретный смысл.

Особую роль морального дискурса на этапе формирования моральных ценностей показал Э. Левинас. По его мысли, моральный дискурс является метафизическим основанием отношения «я» и Другого, в котором зарождаются ценности, равнодушное отношение к Другому. «Отношение к Другому, или Дискурс, является отношением этическим» [6, с. 88]. Первое, что дано человеку, согласно Э. Левинасу, – это бытие, образуемое в перспективе отношения себя и Другого, поэтому любой дискурс обладает моральным характером.

Моральность дискурса обусловлена аксиологическим содержанием отношения «“я” – Иное», где ценности служат пониманию Иного, а мир воспринимается в контексте моральных переживаний, которые, будучи проговоренными в обращенной к Другому речи, обретают форму этических концептов. Как говорил Э. Левинас, «приятие другого – это рождение морального сознания» [6, с. 114]. Видение мира в перспективе Другого, трепетного отношения к нему и осознания его как нетождественного себе формирует стыд как способ «измерять себя посредством бесконечности». Так, моральный дискурс является предпосылкой объективации моральных ценностей в деятельности конкретного субъекта. В контексте дискурса, или отношения к Другому, моральные ценности становятся основой человеческих отношений. Их универсальный характер является результатом имманентности дискурсу и самой человеческой активности как поступкам свободного существа, стремящегося к созданию собственного пути правильной жизни.

Аксиологическая специфика морального дискурса реализуется в его способности наделять социальное бытие морально-ценностной «истинностью». Такая позиция развивается, в частности, Ю. Хабермасом, который исходит из того, что одна из глав-

ных функций дискурса – корректировка социального бытия за счет наделения его истинными, т. е. «правильными», усмотрениями относительно норм и ценностей социальной жизни. Эта задача решается посредством проведения аргументированных дискуссий, реализующихся в дискурсе о моральных принципах. В моральной аргументации речь идет о том, что «должно делать то или другое, а не о том, каково обстояние вещей» [7, с. 82].

Методом корректировки социального бытия является критическое осмысление моральных ценностей: «в то время как теоретическая критика вводящего нас в заблуждение повседневного опыта служит корректировке мнений и ожиданий, критика морали служит изменению образа действий или корректировке выносимых о нем суждений» [7, с. 80]. Моральные ценности intersubъективного сообщества образуются в результате дискурсивно установленных усмотрений, которые признаются морально значимыми всеми членами этого intersubъективного сообщества. Можно говорить, что моральное усмотрение относительно ценностей является истинным, если оно признано всеобщим [14]. Таким образом, в моральном дискурсе ценности обретают свое универсальное бытие и конкретно-содержательное наполнение.

Аксиологический аспект морального дискурса проявляется и в ходе взаимодействия дискурсов. Моральный дискурс обогащает другие дискурсы своей специфической ценностной проблематикой, становясь в них цитацией или отсылкой. Всепроницающий характер моральной регуляции осуществляется посредством проникновения морального дискурса во все сферы жизни общества. Например, он пронизывает религиозный дискурс, транслируя представление о переживаемой ценности, устанавливает рамки отношения человека к трансцендентному Иному (Богу). Интеграция морального дискурса в политический основана на содержащихся в моральном дискурсе представлениях о справедливости, благе, правильной организации совместной жизни людей и т. д.

Таким образом, аксиологическая характеристика морального дискурса выражается в его способности к наделению соци-

ального бытия морально-ценностной перспективой.

Праксеологическая характеристика.

Она проявляется в его влиянии на различные аспекты такой деятельности, где он выступает предпосылкой реализации нравственности в человеческих отношениях. Моральный дискурс является определенным видом нравственной деятельности, в результате которой происходят изменения в социальном устройстве и даже структуре социального бытия. Например, в результате заседания комиссии по этике могут быть приняты нормы, которые будут определять, что считать морально приемлемым, а что морально недопустимым; на основании признания чьего-то поведения безнравственным может быть объявлен выговор или даже импичмент.

Подробно описанная еще Г. Гегелем связь нравственности и закона выражается в том, что правоприменение является аспектом не закона, а нравственности. Таким образом, само по себе наличие нормы или закона еще не гарантирует их исполнение. Только осознанность и принятие их в рамках морального дискурса делает их обязательными к исполнению. Жизнь является практикой, которая требует от человека постоянного обращения к нормам ее регулирования, ведь без регулирования практика становится неплодотворным хаосом.

Специфика регуляции посредством морального дискурса состоит в том, что нормы являются предметом обсуждения и становятся значимыми в той или иной ситуации лишь когда легитимируются либо во внутреннем, либо во внешнем дискурсе. Базовые ценности, которые являются основанием для норм, менее подвержены резким колебаниям, однако сами нормы могут быть предметом пересмотра в сторону наилучшего соответствия конкретно-исторической ситуации. Праксеология морального дискурса может быть рассмотрена как стремление человека к деятельности по улучшению мира, которая включает самопреобразование субъекта и создание аксиологического мира, объединяющего всех участников коммуникации.

Таким образом, праксеологическая характеристика морального дискурса раскрывается как в связи с дискурсивной деятельностью людей по производству норм и пра-

вил своей жизни, так и в связи с выбором конкретных стратегий деятельности и поступков на основе этих норм и правил.

Заключение

Онтологическая характеристика указывает на то, что посредством освоения моральным дискурсом объективного, существующего независимо от субъекта бытия образуется уникальное человеческое бытие, обладающее нравственной перспективой.

Гносеологическая характеристика морального дискурса определяется тем особым типом знания и смысла, который образуется в контексте первичной этической направленности сознания, потребности самоопределения и ответственного отноше-

ния к Другому и универсуму в целом. Утверждаемая в моральном дискурсе нравственная самоидентичность человека определяет главный критерий оценки – ценностную релевантность получаемого знания для человека.

Аксиологическая характеристика указывает на то, что в моральном дискурсе формируются идеалы, ценности и нормы личного и общественного бытия.

Праксеологическая характеристика состоит в том, что моральный дискурс выступает предпосылкой реализации нравственности в человеческой деятельности и сам является деятельностью по определению и корректировке нравственных оснований социального бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко, М. Археология знания = L'Archeologie du savoir : пер. с фр. / М. Фуко ; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб. : Гуманитар. акад., 2004. – 415 с.
2. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко ; сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. – М., 1996. – С. 47–96.
3. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2. – С. 96–122.
4. Шатерник, М. Г. Сравнение философско-этических концепций дискурса М. Фуко и Ю. Хабермаса / М. Г. Шатерник // Весн. Брэсцк. ун-та. – Сер. 1, Філософія. Палітологія. Сацыялогія. – 2017. – № 1. – С. 47–52.
5. Шатерник, М. Г. Моральный дискурс как основа этоса ученого / М. Г. Шатерник // Великие преобразователи естествознания: Нильс Бор : материалы юбилейн. XXV Междунар. чтений, Минск, 16–17 марта 2017 г. / Белорус. гос. ун-т информатики и радиоэлектроники ; редкол.: Г. И. Малихина, В. И. Миськевич. – Минск, 2017. – С. 255–256.
6. Левинас, Э. Избранное. Тотальность и бесконечное : пер. с фр. / Э. Левинас. – М. : Культур. инициатива ; СПб. : Унив. кн., 2000. – 416 с.
7. Хабермас, Ю. Этика дискурса: замечания к программе обоснования / Ю. Хабермас // Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева ; послесл. Б. В. Маркова. – СПб., 2001. – С. 67–172.
8. Кожемякин, Е. А. Методологические проблемы изучения дискурсных практик / Е. А. Кожемякин, Е. А. Кротков // Тр. Ин-та систем. анализа Рос. акад. наук. – 2008. – Т. 37. – С. 151–173.
9. Бондаренко, Е. В. Дискурс как объект когнитивной лингвистики / Е. В. Бондаренко // Зап. з роман-герм. філології. – 2013. – Вип. 1. – С. 25–32.
10. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.
11. Апель, К. О. Трансформация философии : пер. с нем. / К. О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 344 с.
12. Делёз, Ж. Логика смысла : пер. с фр. / Ж. Делёз. – М. : Акад. проект, 2011. – 472 с.
13. Касавин, И. Т. Текст. Дискурс. Контекст: введение в социальную эпистемологию языка / И. Т. Касавин. – М. : Канон+, 2008. – 542 с.
14. Шатерник, М. Г. Роль морального дискурса в саморазвитии личности / М. Г. Шатерник // Проблеми саморозвитку особистості в сучасному суспільстві : матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., 15 листоп. 2019 р. / Нац. юрид. ун-т ; редкол.: А. П. Гетьман [та ін.]. – Харків, 2019. – С. 75–79.

REFERENCES

1. Fuko, M. Arkhieologija znaniya = L'Archeologie du savoir : pier. s fr. / M. Fuko ; vstup. st. A. S. Koliesnikova. – SPb. : Gumanitar. akad., 2004. – 415 s.
2. Fuko, M. Poriadok diskursa / M. Fuko // Volia k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti / M. Fuko ; sost., pier. s fr., kommient. i posliesl. S. Tabachnikovoj. – M., 1996. – S. 47–96.
3. Fuko, M. Tiekhnologii siebia / M. Fuko // Logos. – 2008. – № 2. – S. 96–122.
4. Shatiernik, M. G. Sravnienije filosofsko-eticheskikh koncepcij diskursa M. Fuko i Yu. Habermasa / M. G. Shatiernik // Viesn. Bresck. un-ta. – Sier. 1, Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohiya. – 2017. – № 1. – S. 47–52.
5. Shatiernik, M. G. Moral'nyj diskurs kak osnova etosa uchionogo / M. G. Shatiernik // Vielikie prieobrazovatieli jestiestvoznaniya: Nil's Bor : matierialy jubilejn. XXV Miezhdunar. chtienij, Minsk, 16–17 marta 2017 g. / Bielorus. gos. un-t informatiki i radioelektroniki ; riedkol.: G. I. Ma-lykhina, V. I. Mis'kievich. – Minsk, 2017. – S. 255–256.
6. Lievinas, E. Izbrannoje. Total'nost' i bieskonechnoje : pier. s fr. / E. Lievinas. – M. : Kul'tur. iniciativa ; SPb. : Univ. kn., 2000. – 416 s.
7. Habermas, Yu. Etika diskursa: zamiechanija k programmie obosnovanija / Yu. Habermas // Moral'noje soznaniye i kommunikativnoje diejstvije / Yu. Habermas ; pier. s niem. pod ried. D. V. Skliadnieva ; posliesl. B. V. Markova. – SPb., 2001. – S. 67–172.
8. Kozhemiakin, Ye. A. Mietodologichieskije problemi izuchienija diskursnykh praktik / Ye. A. Kozhemiakin, Ye. A. Krotkov // Tr. In-ta sistiem. analiza Ros. akad. nauk. – 2008. – T. 37. – S. 151–173.
9. Bondarienko, Ye. V. Diskurs kak ob'jekt kognitivnoj lingvistiki / Ye. V. Bondarienko // Zap. z romano-herm. filolohii. – 2013. – Vyp. 1. – S. 25–32.
10. Kubriakova, Ye. S. Jazyk i znaniye. Na puti poluchienija znaniy o jazyke: chasti riechi s kognitivnoj točki zrieniya. Rol' jazyka v poznanii mira / Ye. S. Kubriakova. – M. : Jaz. slav. kul'tury, 2004. – 560 s.
11. Apieľ, K. O. Transformacija filosofii : pier. s niem. / K. O. Apieľ. – M. : Logos, 2001. – 344 s.
12. Delioz, Zh. Logika smysla : pier. s fr. / Zh. Delioz. – M. : Akad. projekt, 2011. – 472 s.
13. Kasavin, I. T. Tiekst. Diskurs. Kontiekst: vviedienije v social'nuju epistiemologiju jazyka / I. T. Kasavin. – M. : Kanon+, 2008. – 542 s.
14. Shatiernik, M. G. Rol' moral'nogo diskursa v samorazvitii lichnosti / M. G. Shatiernik // Problemy samorozvitku osobystosti v suchasnomu suspil'stvi : matierialy Mizhnar. nauk.-prakt. konf., 15 lystop. 2019 r. / Nac. juryd. un-t ; redkol.: A. P. Het'man [ta in.]. – Kharkiv, 2019. – S. 75–79.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 08.06.2022